

© А.Н. БЕЛЯЕВ

anbelajew@mail.ru

УДК 81'373

АУТОПОЭЗИС: СИСТЕМНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается специфика организации имен собственных как системы. В качестве отправной точки исследования берется понятие аутопоэзной системы. Под аутопоэзной системой имеется в виду свойство системы к самопостроению без нарушения ее внутренней организации. Единство и целостность системы образуют реляционные свойства ее элементов. Особое внимание уделяется внешним связям онимической системы со средой. Средой для онимической системы является общеязыковая система. Качественные изменения, происходящие с элементами среды, оказывают влияние на элементы онимической системы. Если происходят какие-либо изменения на одном из уровней языковой системы, то они отражаются и в онимической системе. Онимическая система сопряжена с общеязыковой системой, она структурно связана с ней.

Онимическая система тесно связана также с внеязыковой средой. Эта связь обусловлена природой онимического знака.

Онимические системы реализуются в различных частных подсистемах: антропонимической, топонимической и т.п. Организующим признаком подсистемы является свойство ее элементов «быть именем собственным».

Опираясь на понятие аутопоэзной системы, автор приходит к выводу, что воздействие среды на онимическую систему не является в конечном итоге детерминирующим фактором изменения структурной организации системы.

SUMMARY. The article describes proper names as a system. The starting point of the research is the notion of autopoietic system. The autopoietic system is defined as the system property to self-construct without violation of its internal structure. The system unity and integrity form relational properties of its elements. A special emphasis is placed on external relations of the system. The environment of proper names is the language system. Qualitative changes of the environment have an effect on proper names. If there is a change at any level of the language system, it is reflected in the system of proper names. The proper names system is related to the language system, they are interconnected structurally.

The system of proper names is interlinked with the extralinguistic environment as well. This relation is determined by the nature of a proper name.

The proper names systems are realized in different subsystems: anthroponomy, toponomy, etc. A subsystem is formed when its elements belong to proper names.

Relying on the notion of the autopoietic system the author comes to the conclusion that the impact of the environment on the proper names system can not be a determining factor for structural changes of the system.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Аутопоэзис, система, имена собственные, онимическое пространство

KEY WORDS. Autopoiesis, system, proper names, onymic space.

Среди множества проблем лингвистических исследований важными представляются проблемы, относящиеся к сфере системной организации имен собственных [1-4]. Настоятельная необходимость обращения к этому вопросу была высказана еще Э. Эйхлером в середине прошлого столетия. Системный подход Э. Эйхлера, рассматривающий онимическое пространство как системно расчлененную целостность, показал эффективность его применения и привел впоследствии к убедительным результатам.

В настоящее время вопрос о системной организации имен собственных все еще принадлежит к числу широко дебатированных вопросов ономастики. Стало уже общим местом утверждение о том, что существует много точек зрения, ни одна из которых не является общепринятой, и что данная проблема далека от разрешения. Нам уже приходилось говорить о разных подходах к системному изучению географических названий [5], а в данной статье мы хотели бы обратить внимание читателей на проблему с несколько иной стороны — с позиции так называемой аутопоэзной системы.

Целью настоящей статьи является рассмотрение самоорганизации как общего свойства, заложенного в самом «устройстве» ономастикона языка, как способа существования и функционирования всех без исключения единиц ономастикона, обнаруживающего специфические черты на разных уровнях языковой системы.

Все попытки выделить специфические признаки онимических систем не дают все еще положительного результата, поскольку исследователи пытаются объединить в одном классе слишком разнообразные явления, не видят, ухватившись за формальные и вместе с тем лишь интуитивно понятые характеристики целого и составляющих его элементов, более существенных и глубоких различий, действительно определяющих природу и жизнь «системы». Сложность проблемы, возникшей в результате системного подхода к ономастикону языка, создается тем, что онимический состав определяется как взаимодействием имен собственных между собой, так и их взаимодействием с явлениями внешнего мира. Имена собственные, как и подавляющее количество слов языка, обладают номинативной функцией или, другими словами, служат обозначениями индивидуальных объектов реальной действительности. Этим создается ярко выраженная экстралингвистическая обусловленность онимикона, его антропоцентризм [6], когда человек с разного вида деятельностью образует центр словарного состава, который представляет с этой точки зрения как бы слепок внеязыковой действительности в том разрезе, как ее видит человек со своими потребностями, делами и желаниями. Так отступает на задний план внутриязыковая обусловленность слов. Создается впечатление, что онимы, их изменения, их закономерности развития регулируются исключительно социально историческими факторами, что предметно-логический подход к их изучению может дать исчерпывающие результаты. Антропоцентризм онимикона, его ориентированность на человека и потребности коммуникации объясняют многие факторы создания онимов и процесса номинации, но эти черты онимикона не могут раскрыть внутриязыковое взаимодействие онимов, т.е. выявление этих черт не позволяет ответить на вопрос, является ли состав имен собственных системой или нет. Сравните данное в коллективной монографии «Теория и методика ономастических исследований» определение топонимической системы: «Под то-

понимической системой понимается известное единство построения топонимов той или иной территории, обусловленное общностью психологии населяющего ее языкового коллектива, своеобразным направлением его мышления, общностью восприятия окружающей действительности, что, в частности, подтверждается наличием на каждой территории своих топонимических моделей и некоторого круга часто повторяющихся топооснов» [3; 51]. В таком понимании системность топонимов базируется на принципе антропоцентризма, в котором экстралингвистическая составляющая явно превалирует над лингвистической составляющей, что вполне понятно, поскольку топонимы тесно связаны с физико-географической средой и их происхождение часто детерминировано общественно-социальными отношениями членов коллектива.

Вероятно, правильным будет утверждать, что онимикон как совокупность всех имен собственных данного языка не является особой системой. Однако онимы входят в систему языка и, следовательно, черты языковой системности присущи и именам собственным. В то же время онимикон языка, социальная обусловленность которого выражена весьма ярко и определенно, несет на себе отпечатки, налагаемые внеязыковыми, общественно-историческими условиями его функционирования. Поэтому онимы могут изучаться как члены словарного состава с точки зрения их соотношения с явлениями реальной действительности, в их номинативной функции, в качестве средств наименования единичных внеязыковых объектов, и онимы могут изучаться как единицы языковой системы с точки зрения их взаимных связей, с точки зрения языковых условий их функционирования в речи, т. е. с позиций лингвистики.

Рассмотрим теперь более подробно ряд вопросов из числа названных выше и одновременно попытаемся бросить взгляд на проблему ономастической системы в целом.

Изучение онимикона с точки зрения взаимных связей его элементов предполагает в качестве своей отправной точки самое общее определение термина «система», данное в общей теории систем (ОТС), чтобы показать, как будет способствовать раскрытию внутренней организации онимических систем такое широкое понимание системы. При этом под системой понимается вслед за Г. Вильке «множество элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, образующих определенную целостность; элементы системы находятся между собой в более тесной связи, чем с элементами другого множества. Это качественное и количественное различие в отношениях между элементами множества образует границу системы, которая разделяет систему от среды» [2; 49]. Наличие и сохранение в процессе функционирования системы ее внутрисистемных отношений ставит перед исследователями задачу изучения аутопоэзных, т.е. репродукционных свойств системы, ориентированных на самовоссоздание.

Впервые термин «аутопоэзис» был использован в начале 1970-х гг. чилийскими учеными У. Матураной и Ф. Варелой для обозначения самопостроения, самопроизводства живых существ, в том числе человека, которые отличаются тем, что их организация порождает в качестве продукта их самих без разделения на производителя и продукт. Аутопоэзная система как бы «вытаскивает сама себя за волосы», создавая собственные компоненты.

А. Рапопорт и Н. Люман плодотворно использовали понятие аутопоэзной системы для изучения социальных систем и сознания человека [7]; ср. философский термин *poietische Philosophie*. Под аутопоэзной системой имеется в виду способность системы к самопроизводству без нарушения ее внутренней организации, что достаточно для ее идентичности [7; 115]. При этом речь идет о том, что в системе остается неизменным, речь идет не о числовых переменных, а о реляционных свойствах элементов, составляющих данную систему. По мнению Ф. Кольгейма, это не означает, что аутопоэзная система не имеет никаких отношений со своей окружающей средой. Однако эти отношения касаются не самого уровня репродуктивности, а речь идет о точных, касающихся отдельных аспектов, связях между системой и средой, которые У.Р. Матурана называет «сопряжением» [2; 50].

Понятие «аутопоэзной организации» было использовано немецким ученым Ф. Кольгеймом применительно к онимическим системам. При рассмотрении любой системы возникает вопрос об отграничении системы от ее среды, причем для некой заданной системы средой является «множество всех объектов» («die Menge aller Objekte»), которые при изменении своих качеств оказывают влияние на систему, а также те объекты, свойства которых изменяются под воздействием системы. В этом смысле, отмечает Ф. Кольгейм, средой для онимической системы является прежде всего общезыковая система. Тот факт, что первая часть приведенной дефиниции более соответствует отношению онимическая система — языковая система, чем второй, указывает на то, что онимическая система воспринимается в действительности как подсистема общезыковой системы; она с ней структурно связана «strukturell gekoppelt» [2; 51]. Если, например, происходят изменения на фонологическом уровне языковой системы, то они отражаются и в онимической сфере. На «постоянное продуктивное напряжение между апеллятивной и онимической областью» указывает Э. Эйхлер [8; 299]. Особенно тесно связаны онимические системы с внеязыковой средой, что обусловлено ярко выраженной, общественно мотивированной функцией идентификации, заложенной в именах собственных. В конечном итоге, онимические системы являются продуктом мыслительной деятельности, так называемом «миром трех феноменов» (К.Р. Поппер, И.К. Эклес), которым хотя и присуща определенная автономность от общезыковой системы (ср. попытку некоторых лингвистов рассматривать ономастику как самостоятельную область знания), однако, всякий раз могут быть реорганизованы тем или иным образом в силу изменившихся условий общественного развития.

По мнению Ф. Кольгейма, характерной чертой онимической системы является то, что она реализуется в разных частных системах. Весь спектр имен собственных представлен классом топонимов, антропонимов, зоонимов и т.д. Организующим принципом всех частных онимических систем является свойство их элементов «быть именем собственным (ИС)». Это свойство более точно определяет Р. Шрамек как способность выделять единичный объект из множества объектов (явлений) одного и того же класса с целью идентификации этого объекта как единичного (сингулярного) или его локализации в определенном месте [9; 164]. Развивая далее эту мысль, под единицами со свойством «быть ИС» следует понимать те единицы, основной функцией которых является функция референции, а не характеристики. При этом инвариантное значение онимиче-

ского знака сводится к представлению общей возможности референции, но не к сколько-нибудь детальному и однозначному определению ее условий [10; 62].

Отдельные частные онимические системы конституируются на основании их различной референтной сферы. Частную онимическую систему (антропонимическую, топонимическую) можно рассматривать далее как своего рода систему систем, например, немецкая антропонимическая система включает в себя подсистему личных имен и фамилий, элементы которых связаны друг с другом определенным образом. Частные топонимические системы имеют более сложную структуру, чем антропонимические системы. Это объясняется значительным количеством видов географических объектов: населенных пунктов, водоемов, гор, урочищ и т.д., которые в зависимости от целей исследования могут быть подвергнуты дальнейшей структуризации. Несмотря на их единый принцип организации, отдельные частные онимические системы между собой слабо связаны. Тесные взаимоотношения между онимическими системами устанавливаются в тех случаях, когда отдельные элементы систем становятся элементами других систем, не изменяя или частично изменяя при этом свою форму. В диахронии подобное явление будет рассматриваться как трансонимизация (ойк. *Hamburg* → фам. *Hamburger*; гидр. *Fulda* → ойк. *Fulda*), а в синхронии будет иметь место омонимия имен, приводящая в речевой актуализации к двусмысленности. Устранение двусмысленности в выражениях типа «*Altenburg kenne ich schon lange*», «*Grünberg interessiert mich nicht*» будет означать, что произошло отнесение онимических элементов к частным системам фамильных имен или топонимов. На подобных примерах видно, что большое значение имеет определение границ системы.

Рассматривая внутреннюю организацию отдельных онимических (суб)систем, Ф. Кольгейм пристальное внимание обращает на то, что все элементы системы обладают системоорганизующим свойством, причем это конститутивное свойство следует рассматривать, по его мнению, в тесной связи с функциональными параметрами данной системы. Но что делает такие разные по форме языковые знаки, как *Heinrich, Karl, Klaus, Anna, Maria* или *Berlin, Hamburg, Dresden, Frankfurt, Leipzig* элементами соответствующих систем? Очевидно, что в системе они связаны между собой парадигматическими отношениями, благодаря чему и возможна функция идентификации. Способность элементов вступать в оппозиционные отношения в пределах обусловленной системой парадигматики, осуществляя, таким образом, онимическую функцию идентификации, признается главным системоконститутивным признаком (*systemkonstituierendes Merkmal*) онимической системы. Сверх этого для отдельных частных онимических систем значимыми являются дальнейшие признаки, которые, однако, не являются системоконститутивными. Ф. Кольгейм называет их системоархитектурными (*systemprgde*), понимая под ними те характерные для системы семантические признаки, которые несут дополнительную информацию, воспринимаемую членами языкового коллектива. В Бланар называет их информативными функциями. В системе личных имен он различает четыре таких функции: 1) функцию обозначения родства; 2) социально-правовую функцию; 3) функцию характеристики; 4) функцию обозначения социального статуса. При этом подчеркивается, что информативные функции (ср. онимические семы у Кристофа) располагаются не на том уровне, на котором лежит основная функция иденти-

фикации [11]. В ряде работ по ономастике можно встретить у личных имен еще функцию этноязычности, несущую информацию о национально-языковой принадлежности имени [12]. В принципе можно согласиться с тем, что имя собственное обладает национальной характеристикой, заключенной как в первооснове, так и в словообразовательных формантах. Однако можно привести немало примеров, когда «оболочка» имени противоречит национальной принадлежности его носителя.

В отличие от конститутивного признака идентификации, наличие которого обязательно для элементов онимической системы, системоархетипические семантические признаки могут наполняться различным объемом содержания в процессе исторического развития системы. Так, например, указание на пол носителя имени было и остается важным системоформирующим признаком немецкой антропонимической системы. Тем не менее, при исследовании личных имен, записанных в церковном приходе Бриксена, Р. Калабрезе свидетельствует о том, что некоторые женские звательные имена германского и латинского происхождения давались мальчикам: *Ambrosia, Brunihilt, Gerdrut, Gotta, Razila, Vizicha, Wizila*. Возможность наречения мальчиков женскими именами не исключена и в настоящее время, однако, это касается лишь второго имени: *Karl Maria von Weber, Erich Maria Remarque* [2; 53].

Наряду с конститутивным признаком и семантическими характеристиками системность имен собственных отчетливо проявляется в области морфологии. Системные связи на уровне морфологии убедительно могут быть продемонстрированы в топонимической системе на территории немецко-славянских языковых контактов. Подобные системные черты характерны для топонимов определенного ареала, ср. суффиксы *-itzsch / -itsch, -gast*, возникшие в результате онемечивания славянских топоформантов, и немецкие топоэлементы *-au, -dorf, -hausen, -leben, -stedt* и др. Рядность топонимов, составленная из названий с определенным общим топоэлементом, дает возможность в случае его нераспознавания отнести его к соответствующему топонимическому классу. Словообразовательные топонимические модели типа *A-hagen, B-hausen, C-reuth, D-stedt* без труда воспринимаются как топонимы (или вторичные личные именованья) [13; 185]. Свойство «быть ИС» может проявляться лишь в том случае, если имя собственное как элемент системы находится в оппозиции к остальным именам системы. Вспомним в этой связи ассоциативные отношения у Ф. де Соссюра: «Образуемые в нашем сознании ассоциативные группы не ограничиваются сближением членов отношения, имеющих нечто общее, — ум схватывает и характер связывающих их в каждом случае отношений и тем самым создает столько ассоциативных рядов, сколько есть различных отношений. ... Любое слово всегда может вызвать в памяти все, что способно тем или иным способом с ним ассоциироваться» [14; 156]. Для показания рядности в антропонимии приводится следующий пример: в средневековом Регенсбурге при интеграции латинских агнионимов в немецкую антропонимическую систему личных имен конституируется новый антропонимический суффикс *-an*. Соглашаясь с Ф. Кольгеймом, отметим, что эта системная рядность служит интенсификации отношений внутри соответствующей подсистемы и тем самым стабилизации границ системы.

Итак, в концепции Ф. Кольгейма организующим моментом онимической системы является свойство «быть ИС». Под аутопоэзисной организацией понимается свойство онимикона к самопостроению таким образом, чтобы при этом сохранялась его внутренняя организация. Воздействие среды на онимическую систему не является в конечном итоге детерминирующим фактором изменения структурной организации системы. Фактически история развития немецкой онимической системы подтверждает, что аутопоэзная организация может служить критерием, определяющим ее сущность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мурзаев Э.М. Топонимика и география. М.: Наука, 1995. 304 с.
2. Kohlheim, V. Der onymische Bereich als autopoietisches System // Wort und Name im deutsch-slavischem Sprachkontakt: Ernst Eichler von seinen Schülern und Freunden / hrsg. von Karlhein Hengst... Köln: Böhlau Verlag GmbH & Cie, 1997. S. 49-57.
3. Суперанская А.В., Сталтмане В.Э., Подольская Н.В., Султанов А.Х. Теория и методика ономастических исследований / Отв. ред. А. П. Непокупный. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 256 с.
4. Матвеев А.К. Ономатология; Отд-ние ист.-филол. наук РАН. М.: Наука, 2006. 292 с.
5. Беляев А.Н. О разных подходах к системному изучению географических названий // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 21. 2008. № 16 (117). С. 21-26.
6. Дмитриева Л.М. Онтологическое и ментальное бытие топонимической системы (На материале русской топонимии Алтая): Дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Барнаул, 2002. 367 с.
7. Luhmann, N. Moderne Systemtheorien als Form gesamtgesellschaftlicher Analyse // Theorie der Gesellschaft oder Sozialtechnologie — Was leistet die Systemforschung? Frankfurt am Main, 1971. S. 7-24.
8. Eichler, E. Über Namensysteme // Proc. Of the 17th Int. Congr. Of Onomastic Sciences. Vol. 1. Helsinki, 1991. S. 292-299.
9. Šrámek, R. Die Kategorie des Allgemeinen in der Namenforschung // Der Eigennamen in Sprache und Gesellschaft I. Hrsg. von E. Eichler, E. Saß, H. Walter. Leipzig, 1985. S. 152-167.
10. Руденко Д.И. Собственные имена в контексте современных теорий референции // Вопросы языкознания, 1988. № 3. С. 55-68.
11. Бланар В. Дистрибуция антропонимических моделей // Перспективы развития славянской ономастики / Отв. ред. Суперанская А.В., Подольская Н.В. М.: Наука, 1980. С. 13-21.
12. Антышев А.Н. Имена. Немецкие антропонимы. Уфа: БГАУ, 2001. 239 с.
13. Fleischer, W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig: Bibliographisches Institut, 1976. 243 S.
14. Фердинанд де Соссюр. Труды по языкознанию. Переводы с французского / Под ред. А.А. Холодовича. М.: Прогресс, 1977. 695 с.

REFERENCES

1. Murzaev, Je.M. *Toponimika i geografija* [Toponymy and Geography]. Moscow: Nauka publ., 1995. 304 p. (in Russian).
2. Kohlheim, V. Der onymische Bereich als autopoietisches System. *Wort und Name im deutsch-slavischem Sprachkontakt: Ernst Eichler von seinen Schülern und Freunden* / hrsg. von Karlhein Hengst... Köln: Böhlau Verlag GmbH & Cie, 1997. S. 49-57.

3. Superanskaja, A.V., Staltmane, V.Je., Podol'skaja, N.V., Sultanov, A.H. Teorija i metodika onomasticheskih issledovanij [Theory and Methods of Onomastic Studies] Editor-in-chief A.P. Nepodkupnij. Moscow: LIBROKOM publ., 2009. 256 p. (in Russian).
4. Matveev, A.K. *Onomatologija* [Onomatology]. Moscow: Nauka publ., 2006. 292 p. (in Russian).
5. Beljaev, A.N. Different approaches to systematic study of place names. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta — Chelyabinsk State University Bulletin*. Philology. Art studies. 21 issue. 2008. No. 16 (117). Pp. 21-26 (in Russian).
6. Dmitrieva, L.M. *Ontologicheskoe i mental'noe bytie toponimicheskoi sistemy (Na materiale russkoj toponimii Altaja)* Dokt. Diss. [Ontological and Mental Existence of Toponymic System (Based on Russian Toponyms in Altai) Doct. Diss]. Barnaul, 2002. 367 p. (in Russian).
7. Luhmann, N. Moderne Systemtheorien als Form gesamtgesellschaftlicher Analyse. *Theorie der Gesellschaft oder Sozialtechnologie — Was leistet die Systemforschung?* Frankfurt am Main, 1971. S. 7-24.
8. Eichler, E. Über Namensysteme. *Proc. Of the 17th Int. Congr. Of Onomastic Sciences*. Vol. 1. Helsinki, 1991. S. 292-299.
9. Šrámek, R. Die Kategorie des Allgemeinen in der Namenforschung. *Der Eigename in Sprache und Gesellschaft I*. Hrsg. von E. Eichler, E. Saß, H. Walter. Leipzig, 1985. S. 152-167.
10. Rudenko, D.I. Proper names in the context of modern referential theories. *Voprosy jazykoznanija — Linguistic Issues*. 1988. No. 3. P. 55-68 (in Russian).
11. Blanař, V. Distribution of anthroponimic models. *Perspektivy razvitija slavjanskoj onomastiki — Perspectives of Slavic onomastics development*. Editors-in-chief: Superanskaya A.V., Podolskaya N.V., Moscow: Nauka publ., 1980. Pp. 13-21 (in Russian).
12. Antyshev, A.N. *Imena. Nemeckie antroponymy* [Names. German anthroponyms]. Ufa: Bashkir Agrarian State University, 2001. 239 p. (in Russian).
13. Fleischer, W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig: Bibliographisches Institut, 1976. 243 S.
14. Saussure, F. de. *Trudy po jazykoznaniju* [Linguistic studies]. Translated from French. Edited by A.A. Kholodovich. Moscow: Progress publ., 1977. 695 p. (in Russian).